

Сахем. Генрик Сенкевич

В городе Антилопе, расположенном у реки того же названия, в штате Техас, все от мала до велика спешили на цирковое представление. Оживление жителей было понятно, так как со времени основания города сюда впервые приехал цирк с танцовщицами, акробатами и музыкантами. Город возник недавно. Еще пятнадцать лет тому назад здесь не только не было ни одного дома, но и во всей ближайшей округе не было белых. На небольшом пространстве, образуемом разветвлением реки, как раз на том месте, где находится Антилопа, стояло индейское селение под названием Чиаватта. Это была столица племени Черных Змей; в свое время они так досаждали поселенцам соседних немецких колоний: Берлина, Грюнденау и Гармонии, что жизнь колонистов стала невыносимой. Правда, индейцы только защищали свой «территориум», который правительство штата Техас закрепило за ними на вечные времена торжественнейшими трактатами; но какое дело было до этого колонистам Берлина, Грюнденау и Гармонии? Верно только одно, что они отбирали у племени Черных Змей землю, воду и воздух, а взамен несли цивилизацию; краснокожие же благодарили их на свой манер, то есть снимали с их голов скальпы. Такое положение не могло продолжаться долго. Однажды в лунную ночь четыреста поселенцев из Берлина, Грюнденау и Гармонии, призвав на помощь мексиканцев из Ла Ора, напали на спящую Чиаватту. Успех правого дела был полный. Чиаватта была сожжена, а все ее жители, не исключая женщин и детей, поголовно вырезаны. Уцелели только небольшие отряды воинов, бывшие в это время на охоте. Из самого селения никому не удалось спастись, главным образом потому, что его кольцом охватили разветвления реки, которая, разлившись, как обычно весной, окружила поселок огромным водным пространством. По именно такое местоположение Чиаватты, погубившее индейцев, пришлось по сердцу немцам. Отсюда трудно спастись бегством, но зато здесь удобно защищаться. Учитывая это, колонисты из Берлина, Грюнденау и Гармонии стали перебираться туда, и вот в мгновение ока на месте дикой Чиаватты возникла цивилизованная Антилопа. Через пять лет она насчитывала уже две тысячи жителей.

На шестой год на противоположном берегу нашли залежи ртути, эксплуатация которых удвоила число жителей. Еще через год на городской площади по суду Линча были повешены и остальные девятнадцать воинов из племени Черных Змей, схваченные в близлежащем лесу Мертвых, – и с тех пор уже ничто не препятствовало расцвету Антилопы. В городе выходили две газеты и один журнал. Железная дорога соединяла Антилопу с Рио-дель-Норте и Сан-Антонио; на Опунция-гассе высились три школы, в том числе одна высшая. На площади, где были повешены последние воины из племени Черных Змей, построили благотворительное заведение; пасторы каждое воскресенье проповедовали с церковных кафедр любовь к ближнему, уважение к чужой собственности и прочие необходимые в цивилизованном обществе добродетели, а один лектор, попавший сюда проездом, прочел даже как-то раз в Капитолии доклад «О правах наций».

Жители побогаче поговаривали о том, что нужно бы основать университет и что городу должно посодействовать в этом направлении правительство штата. Антилоповцам повезло. Торговля ртутью, апельсинами, ячменем и вином давала им превосходные доходы. Они были добродетельны, трудолюбивы, бережливы, несколько педантичны и толсты. Кто посетил бы в последнее время Антилопу, насчитывающую уже более десяти тысяч жителей, ют не узнал бы в богатых местных купцах тех беспощадных завоевателей, которые пятнадцать лет тому назад сожгли Чиаватту. Дни они проводили в лавках, мастерских и конторах, вечера просиживали в пивной «Под золотым солнцем» на улице Гремучих Змей. Слушая их немного медлительную и гортанную речь, возгласы: «Mahlzeit! Mahlzeit!»[1], и эти флегматичные

разговоры: «Nun ja, wissen Sie, Herr Muller, ist das aber möglich?»[2], звон пивных кружек, шипение пива, плеск пролитой на пол пены, наблюдая их невозмутимость и самодовольство, глядя на филистерские, заплывшие жиром лица, на рыбы глаза, Можно было подумать, что находишься в какой-нибудь пивной в Берлине или в Мюнхене, но никак не на пепелище Чиаватты. Но в городе уже все было ganz gemütlich[3], и о сожженной Чиаватте никто не вспоминал. И вот в этот вечер люди спешили в цирк: во-первых, потому, что после трудового дня развлечение равно приятно, как и полезно; во-вторых, потому, что жители гордились его приездом. Всем известно, что цирк не приедет в первый попавшийся городишко, и прибытие труппы достопочтенного мистера Дина подтверждало в известной мере вес и значение Антилопы.

Однако была и третья, может быть и самая важная, причина всеобщего любопытства. Дело в том, что второй номер программы возвещал следующее: «Прогулку по проволоке, натянутой на высоте пятнадцати метров от земли, совершит в сопровождении музыки знаменитый гимнаст Красный Ястреб, сахем (вождь) Черных Змей, последний потомок царского рода и единственный оставшийся в живых из всего племени: 1) прогулка, 2) прыжки Антилопы, 3) танец и песнь Смерти». Где-где, а в Антилопе этот сахем мог возбудить величайший интерес. Достопочтенный мистер Дин рассказывал в пивной «Под золотым солнцем», что пятнадцать лет тому назад он нашел по пути в Санта Фе на Плянос де Торнадо старого умирающего индейца с десятилетним мальчиком. Старик, правда, умер от рани истощения, однако перед смертью успел рассказать, что этот мальчик – сын убитого сахема Черных Змей и наследник его титула.

Труппа приютила сироту, и со временем он стал ее первым акробатом. Впрочем, достопочтенный мистер Дин только здесь, «Под золотым солнцем», узнал, что некогда Антилопа была Чиаваттой и что знаменитый канатоходец будет подвизаться на могиле своего племени. Известие это привело директора в великолепное настроение, ибо теперь можно было наверняка рассчитывать на great attraction[4], только бы суметь как можно лучше использовать эффект. Разумеется, добродетельные антилоповцы помчались в цирк, чтобы показать вывезенным из Германии женам и сыновьям, никогда в жизни не видевшим индейцев, последнего из племени Черных Змей и сказать при этом: «Смотрите-ка, вот таких, всех до единого, мы вырезали пятнадцать лет тому назад». «Ach, Herr Jeh!» – как приятно услышать возглас изумления из уст Амальхен и маленького Фрица. По всему городу только и слышалось: «Сахем! Сахем!»

Дети уже с самого утра подсматривали в щели дощатого балагана, и их лица выражали смешанное чувство страха и любопытства; а мальчики постарше, охваченные уже более воинственным духом, возвращаясь из школы, грозно маршировали, сами не понимая, зачем они это делают. Восемь часов вечера. Дивная ясная звездная ночь. Дуновение ветра приносит из-за города благоухание апельсиновых роц, к которому в городе примешивается запах солода. Цирк сияет заревом огней. Перед главным входом горят и дымятся огромные смоляные факелы. Ветерок колеблет клубы дыма и языки яркого пламени, озаряющего темные очертания только что выстроенного круглого балагана с остроконечной крышей и усеянным звездами американским флагом на верхушке. Перед входом сгрудилась огромная толпа. Некоторые не смогли пробиться к кассе, а у иных просто не было денег на билеты. Все глазят на повозки труппы и особенно на полотняный занавес главного входа, где изображена битва белых с краснокожими. В те минуты, когда занавес приоткрывается, видно освещенное помещение буфета со множеством стеклянных кружек на прилавке. Но вот занавес раздвигается совсем, и толпа входит внутрь. Пустые проходы между лавками наполняются шумом людских шагов, и вскоре темная подвижная масса овладевает

всеми проходами сверху донизу. В цирке светло, как днем, так как, несмотря на то, что не успели провести газовое освещение, огромная люстра, состоящая из пятидесяти керосиновых ламп, заливают арену и зрителей потоками света. В ее сиянии видны раскормленные, с жирными подбородками головы любителей пива, молодые женские лица и прелестные мордашки детей с вытаращенными от любопытства глазами. На всех лицах застыло одно и то же, столь свойственное посетителям цирка, выражение любопытства и глупого довольства. Среди шума разговоров, прерываемых возгласами: «Frisch, Wasser! Frisch Bier!»[5] – чувствуется, что все с нетерпением ждет начала. Наконец, раздается звонок, появляются шесть конюхов в блестящих ботфортах и выстраиваются двумя шеренгами от выхода из конюшен на арену. Сквозь их ряды на арену вылетает разгоряченный конь без седла и узды, а на нем – легким облаком из муслина, лент и тюля – танцовщица Лина. Начинается бешеная скачка под звуки музыки. Лина так прекрасна, что обеспокоенная ее видом молоденькая дочь пивовара с Опунция-гассе, Матильда, склоняясь к уху молодого Флосса с этой же улицы, тихонько спрашивает его, любит ли он еще ее. Между тем конь скачет, дыша как локомотив, щелкают бичи, несколько выбежавших на арену вслед за танцовщицей клоунов визжат и отпускают друг другу пощечины, сверкающей молнией мелькает танцовщица. Гремят аплодисменты. Что за великолепное представление! Но первый номер быстро кончается. Наступает второй. Слово «Сахем! Сахем!» передается из уст в уста. Никто уже не обращает внимания на клоунов, продолжающих награждать друг друга пощечинами. В это время конюхи вносят деревянные козлы свыше десяти футов высотой и ставят их по обеим сторонам арены. Оркестр перестает играть «Янки-Дудль», раздается мрачная ария командора из «Дон-Жуана». Между козлами натягивают проволоку. Внезапно со стороны входа взлетает сноп красных бенгальских огней и заливают арену кровавым светом. Сейчас в его сиянии появится грозный сахем, последний из племени Черных Змей. Но что это? Выходит не сахем, но сам директор труппы, почтенный мистер Дин. С низким поклоном обращается он к публике и просит «великодушных и уважаемых джентльменов, а также прекрасных и не менее уважаемых леди» вести себя с чрезвычайным спокойствием, не аплодировать и сохранять полную тишину, «так как вождь находится сегодня в крайне раздраженном состоянии и более обыкновенного дик и злобен». Эти слова производят немалое впечатление, и – странное дело! – те же самые почтенные граждане Антилопы, которые пятнадцать лет тому назад вырезали население Чиаватты, испытывают теперь чрезвычайно неприятное чувство. Минуту назад, когда прекрасная Лина исполняла свои трюки на коне, они радовались, что сидят близко, почти возле самого барьера, откуда все так прекрасно видно, а теперь они посматривают с явной тоской на верхние ряды и в противовес всем законам физики находят, что внизу куда более душно, чем наверху.

Но неужели этот сахем еще что-нибудь помнит? Ведь он с малых лет воспитывался в труппе почтенного мистера Дина, состоящей преимущественно из немцев. Возможно ли, чтобы из его памяти еще не изгладились впечатления раннего детства? Это казалось неправдоподобным. Окружение и пятнадцать лет работы в цирке, исполнение разных трюков ради аплодисментов публики должны были сделать свое дело.

Чиаватта! Чиаватта! Ведь вот они, немцы, тоже на чужой земле, вдали от родины, но не думают о ней больше, чем им позволяет это бизнес. Прежде всего нужно есть и пить. Об этой истине должен хорошо помнить каждый обыватель и последний вождь из племени Черных Змей.

Эти размышления неожиданно прерывает какой-то дикий свист со стороны конюшен – и на арене появляется с трепетом ожидаемый сахем. По толпе пробегает взволнованный шепот: «Это он! Это он!» – и наступает тишина. Только шипит бенгальский огонь,

все время горящий у входа. Все взгляды устремлены на вождя, который должен выступить сейчас на могиле своего племени. Индеец действительно заслуживает внимания. Он выглядит по-королевски величественно. Плащ из белых горностаев – атрибут вождя покрывает его высокую и столь дикую фигуру, что он напоминает плохо прирученного ягуара. В его как бы вылитом из меди лице есть что-то орлиное, на нем светятся холодным блеском поистине глаза индейца: спокойные и как будто равнодушные, но в то же время зловещие. Он всматривается в публику, словно выискивая себе жертву; в довершение ко всему он вооружен до зубов. На голове его развеваются перья, у пояса висят томагавк и нож для скальпирования, и только в руке вместо лука он держит длинный шест, который служит ему для сохранения равновесия. Остановившись на середине арены, он неожиданно издает военный клич. Herr Gott![6] – ведь это же клич Черных Змей! Кто уничтожил Чиаватту, тот хорошо запомнил это страшное завывание. Но поразительная вещь! – у тех, которые пятнадцать лет тому назад не испугались тысячи таких воинов, сейчас выступил холодный пот при виде одного. Но вот директор, приблизившись к сахему, начинает что-то говорить, как бы желая умиротворить и успокоить его. Дикий зверь почувствовал узду – уговоры подействовали, и через минуту сахем уже раскачивался на проволоке. Устремив взгляд на люстру, он продвигается вперед. Проволока сильно прогибается под ним, иногда ее совсем не видно, и тогда кажется, что индеец повис в воздухе. Он идет точно в гору, делает шаг вперед, отступает и снова идет вперед, удерживая равновесие. Его раскинутые руки, покрытые плащом, похожи на исполинские крылья. Вот он зашатался... падает! Нет! Вихрем срывается короткое, отрывистое «браво!» и умолкает. Лицо вождя делается все более грозным. В его глазах, устремленных на люстру, загорается зловещий огонь. Все встревожены, но никто не нарушает тишины. Тем временем сахем приближается к другому концу проволоки, останавливается – и неожиданно из его груди вырывается песнь войны.

Как странно! Вождь поет по-немецки. Но это вполне понятно. Очевидно, он забыл язык своего племени. Впрочем, никто не обращает на это внимания. Все слушают песню, которая растет и крепнет. Это не то пение, не то какой-то безгранично тоскливый вой, дикий и хриплый, полный зловещих нот.

Он пел: «Каждый год после великих дождей пятьсот воинов выходили из Чиаватты на тропу войны или на великий весенний лов. Когда они возвращались с войны, их украшали скальпы, когда возвращались с охоты, то привозили мясо и шкуры буйволов, а жены радостно встречали их и танцевали в честь Великого Духа.

Чиаватта была счастлива! Женщины хозяйничали в вигвамах, дети, подрастая, превращались в красивых девушек и храбрых воинов. Воины умирали на поле славы и отправлялись охотиться вместе с духами своих предков в серебряные горы. Их топоры никогда не обгалялись кровью женщин и детей, ибо воины Чиаватты были благородными мужами. Чиаватта была могущественна. Но пришли из-за далеких морей бледнолицые и бросили огонь на Чиаватту. Не в бою победили Черных Змей бледнолицые воины, но прокрались ночью, как шакалы, и обагрили ножи свои кровью спящих воинов, женщин и детей...

И вот нет Чиаватты, а на ее месте бледнолицые построили свои каменные вигвамы. Погибшее племя и сожженная Чиаватта взывают к мести».

Голос вождя становится все более хриплым. Раскачиваясь на проволоке, он кажется теперь каким-то зловещим вестником мести, парящим высоко над человеческой толпой. Даже директор выражает явное беспокойство. В цирке воцарилась гробовая тишина.

Вождь продолжает дальше: «От целого племени осталось только одно дитя. Было оно маленьким и слабым, но поклялось Духу Земли, что отомстит, что увидит трупы бледнолицых мужчин, женщин и детей, увидит пожар, кровь!»

Последние слова перешли уже в бешеный рев. По цирку, подобно внезапным порывам вихря, пронесся шум. В головах замелькали, оставшись без ответа, тысячи вопросов. Что предпримет сейчас этот взбесившийся тигр? Чем он угрожает? Хочет отомстить? Он? Один? Остаться или бежать? Или, может быть, защищаться? Но как?

– Was ist das? Was ist das?[7] – раздались испуганные женские голоса.

Вдруг нечеловеческий вопль вырвался из груди вождя, он закачался еще сильнее, вскочил на деревянные козлы, стоящие под люстрой, и поднял шест. Страшная мысль молнией пронеслась в головах: он разобьет люстру и зальет цирк потоками горящего керосина. Из груди зрителей вырвался общий крик. Но что это? С арены кричат: «Стой! Стой!» Вождя уже нет. Он соскочил и исчез в проходе. Не сжег цирк? Куда же он девался? Но вот он выходит снова, запыхавшийся, измученный, страшный. В руках он несет жестяную миску и, протягивая ее зрителям, говорит умоляющим голосом: «Was gefaillihg fur den letzten der Schwarzen Schlangen!»[8] У зрителей отлегло от сердца. Значит, все это следовало по программе? Значит, это всего-навсего уловка директора, рассчитанная на больший эффект? Сыплются доллары и другие монеты. Как же отказать последнему из племени Черных Змей – в Антилопе, на пепелище прежней Чиаватты. У людей есть сердце...

После окончания представления сахем пил пиво и ел клецки в пивной «Под золотым солнцем». Видно, влияние среды сыграло свою роль. Он пользовался в Антилопе огромной популярностью, в особенности у женщин. Сплетничали даже...

1883

Примечания

1 За ваше здоровье! (нем.).

2 Но, знаете, господин Мюллер, возможно ли это? (нем.).

3 Тихо и спокойно (нем.).

4 Грандиозный аттракцион (англ.).

5 Холодной воды! Холодного пива! (нем.).

6 Господи боже! (нем.).

7 Что это, что это? (нем.).

8 Подайте, что можете, последнему из Черных Змей! (нем.).